

Башня Чжайсин — самый известный ресторан в Юйцзине, расположенный на проспекте Чжуцзюэ. Это пятиэтажное здание, самое высокое в городе, за исключением императорского дворца, и лучшее место для наблюдения за фонарями. Его называют «местом, откуда можно увидеть половину города в море огней».

В праздничные дни, не говоря уже о частных залах на трех верхних этажах, даже столики в залах на нижних этажах нужно бронировать за десять или пятнадцать дней вперед. Можно сказать, что найти свободный столик — задача не из легких, и это совсем не преувеличение.

Вэй Чжао легкомысленно улыбнулся:

— Владелец Ду из Башни Чжайсин — умный человек. Он не станет бронировать все залы до последнего момента. Я попросил Мэн Цзюньда забронировать место пару дней назад, и он сказал, что все устроил.

Мэн Цзюньда, о котором он говорил, был старшим секретарем в доме князя Цинь.

Цзюнь Цин понял, о чем речь, и невольно улыбнулся. Он упустил из виду этот момент, забыв, что в столице, где князья и маркизы встречаются на каждом шагу, любой бизнесмен с хоть каплей ума будет осторожен и предусмотрителен. Оставить несколько залов про запас — это вполне нормально.

Видя, что Цзюнь Цин одобряет его планы, Вэй Чжао поднял бровь и улыбнулся:

— Цин, тебе стоит воспользоваться сегодняшним шансом погулять. В ближайший месяц я гарантирую, что Синь не позволит тебе выйти из комнаты ни на шаг.

Цзюнь Цин подсчитал в уме и спокойно возразил:

— Не может быть. В марте учения, Синь будет занят. Десять дней отпуска — это максимум, что он сможет себе позволить.

Вэй Чжао замолчал, решив не продолжать этот разговор.

Изначально он думал, что Цзюнь Цин, только что родивший ребенка, наверняка нуждается в компании, и если Цзи Синь не сможет взять отпуск, он попросит заступничества у генерала Сичэн Сяо Фэна. Сяо Фэн был сыном принцессы Балин и его двоюродным братом, так что он точно не откажет ему в просьбе.

Однако Цзюнь Цин еще не думал об этом, и Вэй Чжао не хотел навязываться. Он решил отложить этот вопрос и посмотреть по обстоятельствам. В любом случае, он не позволит им остаться в одиночестве.

Раз Цзюнь Цин не возражал, план Вэй Чжао был единогласно одобрен. Хотя Вэй Чунжун не был настоящим ребенком, возможность провести праздник с Вэй Чжао в одиночестве, а не в окружении посторонних, как на Новый год, уже достаточно его вдохновила.

— Папа, мы просто будем смотреть фонари с башни? Может, пойдем на прогулку от ста болезней или запустим речные фонари?

В прошлой жизни, за исключением двух раз, когда Цзюнь Хуа сопровождал его, Вэй Чунжун всегда скучал на фестивале фонарей. Было скучно без компании, но в этом году, с Вэй Чжао, все было иначе.

Вэй Чжао задумался на мгновение, затем покачал головой:

— Нет, в места с большим скоплением людей нельзя. Фестиваль фонарей — это не храмовый праздник, людей много, да еще и ночью. Если потеряешься, это будет серьезной проблемой. К тому же, прогулка от ста болезней — это просто толкотня, ничего интересного...

Оказывается, спуститься вниз нельзя. Вэй Чунжун немного разочаровался, но, подумав о состоянии Цзюнь Цина, быстро успокоился. Ведь они не могли просто уйти гулять, оставив Цзюнь Цина одного в Башне Чжайсин. Они же обещали провести праздник вместе, нельзя нарушать слово.

В этом году не получится, ну и ладно. В следующем году обязательно пойдем. К тому времени Цзюнь Хуа уже будет около года, а дети обожают яркие и блестящие вещи. Как он обрадуется, увидев море огней на улицах! От одной мысли об этом уже становится приятно.

Вэй Чунжун уже собирался сказать, что он понимающий ребенок, как вдруг услышал слова Цзюнь Цина:

— На прогулку от ста болезней вы можете пойти, не беспокойтесь обо мне. А вот запустить речные фонари я хочу, и вы меня не остановите.

Вэй Чжао замер, но затем сказал:

— Цин хочет запустить речные фонари? Хорошо, мы пойдем позже, найдем тихое и безлюдное место.

Вэй Чунжун был ошеломлен. Почему к нему и Цзюнь Цину относятся по-разному? Его отец был слишком несправедлив.

Поскольку они собирались выйти посмотреть фонари, ужин в доме маркиза Чжаояна был подан раньше обычного. Как только стемнело, Вэй Чжао и Цзюнь Цин вместе с Вэй Чунжуном вышли из дома и сели в просторную карету, направляясь к Башне Чжайсин.

Проспект Чжуцюэ — главная улица Юйцзина, всегда заполненная торговцами и людьми. Сегодня, в праздник фонарей, она была особенно яркой, освещенной как днем. По обеим сторонам улицы располагались временные ночные рынки, где продавали фонари, еду, амулеты и ручные изделия... Бесчисленное множество. Карета не успела добраться до Башни Чжайсин, как Вэй Чжао трижды остановил кучера, чтобы купить себе упаковку грецких орехов, Вэй Чунжуну — золотой рыбий фонарь, а Цзюнь Цину — пару амулетов на удачу.

Карета дома маркиза Чжаояна была специально изготовлена, с мягкими и толстыми подушками, на которых было очень удобно лежать. Вэй Чунжун прислонился к Цзюнь Цину и не хотел вставать.

Вэй Чжао не мог смотреть на своего сына, который валялся без дела, схватил его за воротник и поставил на ноги, затем вручил только что купленный фонарь:

— Сиди прямо, если ты снова ляжешь, то точно уснешь.

Вэй Чунжун взял фонарь и стал размахивать им в руках. Вэй Чжао поднял упаковку грецких орехов и спросил:

— Хочешь попробовать?

Вэй Чунжун покачал головой. Тогда он повернулся к Цзюнь Цину:

— Цин, а ты?

Цзюнь Цин тоже отказался.

Вэй Чжао вздохнул, на его лице появилось выражение, словно он думал: «Жизнь так одинока, у меня нет ни одного единомышленника». Цзюнь Цин и Вэй Чунжун переглянулись, но никто не проронил ни слова.

Когда карета прибыла к Башне Чжайсин, Мэн Цзюньда передал бронь, и управляющий лично вышел, произнес несколько добрых пожеланий и проводил их в зал на пятом этаже.

Заказы на залы на четвертом и пятом этажах Башни Чжайсин принимались только с разрешения владельца Ду. Вэй Чжао и его спутники прибыли инкогнито, и хотя управляющий их не узнал, он понимал, что те, кто смог забронировать зал на пятом этаже, явно не простые люди, и потому отнесся к ним с большим уважением.

Открыв дверь зала, они увидели изысканный интерьер, с благовониями, дымящимися в углу. Комната была оформлена со вкусом, окна, выходящие на главную улицу и боковой переулок, были открыты, и с них открывался вид на половину города, освещенного фонарями. Это действительно было лучшее место для наблюдения за фонарями.

Управляющий велел слугам подать чай и, убедившись, что у Вэй Чжао больше нет просьб, почтительно удалился.

Вэй Чжао сел за стол, сделал глоток чая и подозвал Мэн Цзюньда:

— Кто в соседних залах, ты выяснил?

На пятом этаже всего четыре зала, и вероятность встретить родственников слишком высока, поэтому Вэй Чжао должен был знать, кто находится рядом.

Мэн Цзюньда сложил руки в поклоне:

— Ваше Высочество, слева от нас — семья князя Пин, справа — семья князя Юньань, а напротив — семья герцога Сун.

Вэй Чжао слегка замешкался, затем спросил:

— Прибыли ли две вдовствующие принцессы?

Семью герцога Сун можно пока не учитывать, но две другие семьи были равны ему по статусу. Если бы там были старшие, ему нужно было бы зайти поздороваться.

Мэн Цзюньда подумал и ответил:

— Вдовствующая принцесса Пин прибыла, а вдовствующая принцесса Юньань — нет.

Вэй Чжао слегка расслабился.

Однако, только что выйдя из зала князя Пин, Вэй Чжао столкнулся с Цзян Чэ, который вел двух детей, собираясь выйти.

После краткого молчания Цзян Чэ первым заговорил:

— Ты тоже пришел посмотреть фонари?

Поскольку он не представил Вэй Чжао, двое детей рядом с ним выглядели растерянными.

Вэй Чжао машинально ответил:

— Жун настаивал на том, чтобы посмотреть фонари, вот я и привел его.

Цзян Чэ похлопал детей по плечу и мягко улыбнулся:

— Дети любят веселье, мои племянники тоже.

Вэй Чжао улыбнулся:

— В таком случае, идите. Жун ждет меня в зале.

Не дожидаясь ответа Цзян Чэ, он поспешно вернулся в комнату.

Цзян Чэ на мгновение замер, но затем, под давлением детей, повел их вниз.

Вернувшись в зал, Вэй Чжао все еще чувствовал себя беспокойно. Цзюнь Цин, очищая апельсин для Вэй Чунжун, даже не взглянул на него и тихо сказал:

— Если не решаешься, сам попадешь в беду.

Вэй Чжао взглянул на него и долго молчал. Действительно, в вопросах, связанных с Цзян Чэ, он слишком нерешителен.

К этому времени уже совсем стемнело, и на улице становилось все больше фонарей. Появились даже танцоры с драконьими фонарями и мастера, выливающие расплавленное железо...

Вэй Чунжун, прильнув к окну, смотрел, не отрывая глаз. Вэй Чжао и Цзюнь Цин время от времени переговаривались, одновременно подкармливая Вэй Чунжун, отчего у того не хватало ни глаз, ни рта.

Вскоре Вэй Чунжун начал клевать носом, но Вэй Чжао не собирался уходить, а Цзюнь Цин сидел неподвижно, как гора.

Вэй Чжао, заметив, что его сын время от времени трет глаза, понял, что тот хочет спать, и поднял его:

— Жун, если хочешь спать, сначала поспи. Когда придет время запускать речные фонари, я тебя разбужу.

Вэй Чунжун сонно кивнул, послушно закрыл глаза и вскоре уснул.

Цзюнь Цин с легким сожалением сказал:

— Все из-за меня, иначе вы могли бы уже вернуться.

Из-за его состояния они могли запустить речные фонари только после того, как толпа рассеется.

<http://bllate.org/book/16486/1498273>